Изданіе редакціи журнала «Библіографъ» (Н. М. Лисовскаго).

ЗАСѢЧНЫЯ КНИГИ,

как

историко-географическій и археологическій источникъ.

В. Сторожевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., № 80.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 сентября 1892 года.

Засѣчныя книги, какъ историко-географическій и археологическій источникъ.

Въ числѣ вопросовъ, оставшихся нерѣшенными на семи первыхъ Археологическихъ Съѣздахъ, мнѣ пришлось обратить вниманіе на вопросъ о засѣкахъ и роли засѣчныхъ книгъ при составленіи археологической карты [1]). Въ бѣгломъ обзорѣ попытаюсь предложить нѣсколько краткихъ замѣтокъ по данному вопросу, основанныхъ на просмотрѣ засѣчныхъ книгъ, какія только нашлись въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и послужили матеріаломъ для составленія карты засѣкъ XVII вѣка въ мѣстностяхъ нынѣшнихъ Калужской, Тульской, Рязанской и отчасти Тамбовской губерній.

Дошедшія до насъ засѣчныя книги суть всѣ дозорныя книги засѣкъ и, по справедливости, относятся вообще къ писцовымъ книгамъ, составляя лишь особый ихъ видъ. Всѣ онѣ писаны дурнымъ провинціальнымъ письмомъ, лишеннымъ всякой устойчивой орѳографіи. Какъ историческій источникъ эти книги имѣютъ исключительно историко-географическій и археологическій интересы. Чтобы сознать и оцѣнить эти интересы, необходимо болѣе или менѣе подробно ознакомиться съ содержаніемъ засѣчныхъ книгъ. Можно уловить три главныхъ вида дозорныхъ книгъ засѣкъ, встрѣчающихся отдѣльно или вмѣстѣ.

1) Прежде всего слѣдуетъ указать на книги, заключающія въ себѣ дозоръ засѣчныхъ межей или «засѣчного межевого деревья», какъ выражается нашъ документъ. Такого рода книги довольно

[1]) См. Вопросы и запросы, не получившіе окончательной разработки на первыхъ семи Археологическихъ Съѣздахъ. М. 1888, вопросъ № 228.

скудный источникъ и по отсутствію въ нихъ, за очень незначительными исключеніями, терминовъ археологическаго характера, и по меньшей сравнительно пригодности ихъ, какъ пособія при составленіи карты засѣкъ. Чтобы точнѣе обрисовать содержаніе подобныхъ книгъ, позволю себѣ привести небольшой отрывокъ, знакомство съ которымъ дастъ ясное представленіе о содержаніи цѣлой книги. Дозорная книга Ряжской засѣки 1672 г. (7180 г. апр. 4 въ кн. № 416, лл. 627 слѣд.) даетъ исключительно описаніе «засѣчного межевого деревья», которое ведется такимъ образомъ: «Засѣчная черта отъ ямского поля съ русской стороны: стоитъ дубъ, на немъ насѣчена грань вновь, возлѣ ево яма; а отъ дуба съ гранью и отъ ямы по натесомъ дубъ съ гранью; а отъ ямы по натесомъ дубъ съ гранью, возлѣ ево яма; а отъ дуба съ гранью и отъ ямы по натесомъ липа съ гранью, возлѣ ее яма; а отъ липы и отъ ямы по натесомъ илемъ съ гранью, возлѣ ево яма».... и т. д., пока не закончится дозоръ всей черты. Такъ то и дѣло мелькаютъ передъ глазами читателя дубы, липы, березы, ясени, осины, клены, илемы, ольхи съ граньми, а возлѣ нихъ ямы, пока послѣ длиннаго утомительнаго перечисленія не встрѣтишь пригодное для насъ въ настоящее время топографическое указаніе. «Стоитъ дубъ, на немъ грань, возлѣ ево яма. Отъ того дуба угодные лѣса и сѣнные покосы противъ засѣчной черты села Шелемишева розныхъ помѣщиковъ Артемья Воронина съ товарищи» (л. 628). Дальше опять пойдутъ мелькать дубы и вязы съ граньми, пока не наткнешься еще на топографическое указаніе, и такъ до конца книги. Въ результатѣ чтенія получается рядъ топографическихъ наименованій, названій селъ, деревень, пустошей, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Съ составленнымъ послѣ чтенія такой книги спискомъ селъ, деревень и пустошей, противъ которыхъ шла засѣчная черта, обращаешься къ современной географической картѣ, чтобы намѣтить всѣ вычитанные пункты. Но здѣсь встрѣчается рядъ затрудненій: a) многихъ пунктовъ на картѣ совсѣмъ не находишь, b) иные пункты на нашей современной картѣ попадаются въ одной и той же мѣстности по два, по три раза (извѣстно, какъ нерѣдки у насъ однообразныя названія для многихъ населенныхъ мѣстъ), наконецъ, c) оказывается, что вычитанныхъ пунктовъ порою далеко недостаточно, чтобы въ извѣстной мѣстности вполнѣ правильно провести засѣчную черту. Вотъ въ подобныхъ случаяхъ составителю карты засѣкъ и должно придти на помощь *мѣстное* изслѣдованіе. Тѣ очень немногія указанія на остатки засѣкъ, какія мнѣ пришлось встрѣтить въ отвѣтахъ уѣздныхъ исправниковъ на запросы Московскаго Археологическаго Общества, дали возможность увѣриться въ томъ, что вообще по засѣчнымъ книгамъ можно возстановить древнія засѣчныя черты безъ всякой помощи данныхъ, полученныхъ отъ изслѣдованія на мѣстахъ; но за то эти данныя должны служить важнымъ подспорьемъ тамъ, гдѣ показанія засѣчныхъ книгъ не совсѣмъ ясны и могутъ ввести въ заблужденіе.

2) Указанный сейчасъ видъ засѣчныхъ книгъ значительно оживляется и выигрываетъ въ подробностяхъ, когда на ряду съ дозоромъ «засѣчного межевого деревья» дѣлается краткое топографическое описаніе и раздѣленіе дозора на «звенья» (т. е. когда дозоръ засѣки дѣлался по отдѣльнымъ ея частямъ, порученнымъ въ надзоръ извѣстнымъ ближайшимъ населеннымъ пунктамъ). Такого рода дозоръ мы встрѣчаемъ, напр., по Козельской Столпицкой засѣкѣ 1677 г. (7185 г. іюнь въ кн. № 389, л.л. 65 об. слѣд.). Дозоръ засѣки описанъ здѣсь такимъ образомъ: «Козельская Столпицкая засѣка съ полевую сторону сошлась съ Лихвинскою Слободецкою засѣкой, а промежъ тѣхъ засѣкъ три сосны; на одной соснѣ три грани: одна указуетъ на Лихвинскую Слободецкую засѣку, другая на Перемышльскую засѣку, а третья на Козельскую Столпицкую засѣку». Дальше опять идутъ дубы съ граньми съ прибавкой указаній на ручейки и рѣчки, и вся книга буквально состоитъ изъ такихъ приблизительно отдѣльныхъ главокъ. «Звено деревни *Кирѣевской* Дмитрія Семенова сына *Кирѣевского* (обращаемъ здѣсь кстати вниманіе на то, что населенное мѣсто нерѣдко получало названіе отъ фамиліи помѣщика, въ немъ находившагося) отъ дубу черезъ рѣчку Слаговенку на гору; на горѣ дубъ холостецъ, на немъ грань; а отъ дуба черезъ Лобановъ верхъ на дубъ, на немъ грань, подлѣ ево яма; а отъ дуба и отъ ямы на яму, у ямы илемъ, на немъ грань; ..... черезъ вершокъ Лиженкинъ..... черезъ рѣчку Грезну; а та рѣчка течетъ сквозь заповѣдный лѣсъ на рускую сторону и впала въ рѣку Жиздру; а переѣхавъ рѣчку Грезну, а у той рѣчки Грезны черезъ топкое мѣсто и болото; а по мѣрѣ того болота 200 с.». Указавъ на послѣдній межевой дубъ въ звенѣ, книга прибавляетъ: «по тотъ дубъ отводъ деревни Кирѣевской Дм. Сем. сына Кирѣевскаго, а отводили приписные сторожи, крестьяне ево, Анѳимка Сазоновъ съ товарищи. Порухъ въ томъ звенѣ учинено: (слѣдуетъ ихъ перечисленіе). А по роспроснымъ рѣчамъ Дмитреевыхъ крестьянъ Кирѣев-

ского Левки Сабурова съ товарищи: тѣ де порухи учинены были отъ всѣхъ крестьянъ деревни Кирѣевской, и взята по нихъ въ томъ поручная запись; и тѣ роспросныя рѣчи и поручная запись въ столпу». По доставленіи такой засѣчной книги изъ области въ Москву, тамъ дѣлались изъ нея особыя выписки порухъ, что видно изъ московскихъ приказныхъ помѣтъ на документѣ, напр., «изъ книгъ порухи выписаны», какъ значится на одной засѣчной книгѣ 185 г. (к. 390 л. нен.), или «осмотря» книги принять и о порухахъ выписать въ докладъ» (ib. л. ненум. передъ л. 738), какъ значится на другой. Въ такомъ порядкѣ описаніе выдерживается для всей засѣчной черты. Помимо пригодности такого описанія, какъ источника для возстановленія засѣчной черты, оно указываетъ намъ отчасти на порядокъ дозора засѣки, на количество звеньевъ въ составѣ засѣчной черты, на организацію приписныхъ сторожей, сохраняя при томъ характеръ межевого документа вполнѣ. Вообще за межевыми деревьями слѣдили очень внимательно; въ одномъ наказѣ дозорщику мы встрѣчаемъ подробное указаніе, какъ послѣдній долженъ ихъ дозирать: «а на засѣчныхъ чертахъ деревья съ граньми и съ натесы досмотрѣть, грани на нихъ кладены ль, натесы натесаны ль; и то межевое деревье цѣло ли, или погнили, или посѣчены, или выломаны, или выжжоны» (к. 416, л. 624 об., 625). За порубленное въ засѣчномъ заповѣдномъ лѣсу дерево пени взималось обыкновенно вдвое болѣе, чѣмъ за простое дерево (за первое брали 10 р., за второе 5 р. П. С. З. № 728 указъ 25 іюня 1678 г.).

Иногда указанный видъ засѣчной книги, благодаря особымъ условіямъ, теряетъ отчасти свою пригодность, какъ источникъ для нанесенія на современную карту засѣчной черты. a) Такъ дозоръ Веневской засѣки не даетъ намъ точныхъ указаній на топографическое положеніе звеньевъ, которое, очевидно, было вполнѣ ясно для современниковъ, но потеряло эту ясность для насъ. Книга послѣдовательно описываетъ звенья: Николы Чудотворца Венева монастыря, города Веневы стрѣльцовъ, городенскихъ козаковъ и драгунъ, посадскихъ людей, озеренскихъ козаковъ и драгунъ...... Расположеніе этихъ звеньевъ остается для насъ совершенно неяснымъ (К. 390, л.л. 659 слѣд. дозоръ 1677 года; срв. кн. 389, л.л. 291 слѣд.). b) Дозоръ Бѣлевской Бобриковской засѣки, составленный безъ раздѣленія на звенья, представляетъ такое описаніе преимущественно направленія и укрѣпленій засѣчной черты, что помимо карты съ очень большимъ масштабомъ для точнаго возстановленія

черты требуется положительно изслѣдованіе на мѣстѣ. Этотъ дозоръ въ засѣчной книгѣ записанъ въ такомъ родѣ: «Бѣлевская Бобриковская засѣка.... завалена лѣснымъ заваломъ на 10 верстахъ, поперекъ 20 саженъ. Отъ *ицепу* отъ Дубенской Козельской засѣки Бобриковская засѣка пошла внизъ по рчк. Бобрику до воротъ и до большой Болховской дороги, что ѣздятъ изъ Бѣлева въ Болховъ, на 12 в. большой черный лѣсъ лѣснымъ заваломъ незасѣченъ». Дальше идетъ указаніе, что по сторонамъ дороги поставлены башни съ воротами, мостами, лѣстницами, конюшнями (мы встрѣчаемся здѣсь такимъ образомъ уже съ археологическими данными); описывается расположеніе надолобъ вмѣстѣ съ указаніемъ на рѣчки, урочища, дороги, мимо которыхъ или, пересѣкая которыя, идетъ засѣчная черта. Такъ какъ подобное описаніе не содержитъ въ себѣ точныхъ указаній на населенныя мѣста, а топографическіе признаки даетъ очень ненадежные, то оно цѣнно для насъ лишь при пособіи другихъ источниковъ или же какъ любопытное археологическое хранилище терминовъ, касающихся укрѣпленій, искуственно возводимыхъ на засѣчныхъ чертахъ.

3) Для изученія засѣчныхъ укрѣпленій, ихъ состоянія и состоянія засѣчной черты вообще наибольшій интересъ представляютъ книги спеціально посвященныя записи укрѣпленій и засѣчныхъ порухъ разнаго рода. Наиболѣе чистый типъ подобныхъ книгъ сперва описываетъ засѣчныя укрѣпленія, точно ихъ перечисляя и означая количественныя, качественныя и другія особенности. Эта часть описанія безъ изслѣдованія на мѣстѣ совершенно безполезна для составителя археологической карты. За то слѣдующая за ней часть, заключающаяся въ точномъ означеніи порухъ, какія найдены дозорщиками, представляетъ цѣнное пособіе для нанесенія на карту засѣчной черты, потому что въ ней находимъ цѣлый рядъ указаній на населенныя мѣста, мимо которыхъ шла засѣчная черта. Иногда, впрочемъ, книга заключаетъ въ себѣ только одну первую часть. Вообще я долженъ замѣтить, что намѣченныя мною особенности дозора засѣкъ въ документахъ постоянно перепутываются и соединеніе нѣсколькихъ видовъ описанія вмѣстѣ довольно нерѣдко. Видно вообще, что характеръ описанія зависѣлъ: 1) отъ той спеціальной цѣли, съ какой предпринимался извѣстный дозоръ и 2) отъ состоянія самой засѣчной черты, которую дозирали (т. е. были ли на ней искусственныя укрѣпленія или нѣтъ, найдены ли порухи, раздѣлена ли засѣчная черта на звенья и т. п.).

Описанie укрѣпленiй любопытно и для археолога, и для военнаго историка, изучающаго прiемы и способы защиты и нападенiя въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Чтобы дать ясное представленiе о характерѣ описанiя засѣчныхъ укрѣпленiй, я позволю себѣ еще разъ предложить нѣсколько выписокъ изъ засѣчныхъ документовъ,—выписокъ, которыя нѣсколько пестрятъ мое сообщенiе, но кажутся мнѣ необходимыми. Описанiе, напр., Снѣцкой засѣки идетъ въ такомъ порядкѣ (к. 415, л. 357 слѣд.): «на Снѣтцкой засѣкѣ острогъ; на острогѣ катки въ два бревна; около всего острогу 70 саж. прямыхъ; вышина острогу 2 саж. Въ острогѣ къ стѣнамъ кровати; на кроватѣхъ колья, къ кроватемъ лѣсницы бревенчатые въ одну ступень; по острогу верхнiе и нижнiе бои. Въ острогѣ погребка зельной... осыпанъ землей и покрытъ тесомъ. Въ острогѣ-жъ изба и сѣни крыты тесомъ». Далѣе идетъ описанiе башенъ, мостовъ, рвовъ, надолобъ, насыпей съ указанiемъ мѣры, качества, расположенiя. Если кто-либо попытается изучить этотъ любопытный военно-археологическiй матерiалъ (съ привлеченiемъ данныхъ изъ столбцовъ Разряднаго приказа; отрывки о засѣкахъ напечатаны въ первомъ и второмъ томѣ «Актовъ Московскаго Государства»), то наша археологическая литература обогатится очень рельефной картиной засѣчныхъ укрѣпленiй, способной занять вниманiе не ученаго только специалиста, а всякаго читающаго и любознательнаго человѣка вообще. Помимо главнаго острога на засѣкахъ встрѣчаются и отдѣльные городки, иногда носившiе особые названiя. Такъ на Веневской засѣчной чертѣ особенно извѣстенъ былъ городокъ Завитай, описанiе котораго находится въ одной изъ засѣчныхъ книгъ 1677 г. (к. 390, л. 666 слѣд.): «у той засѣки земляной валъ въ звенѣ сельца Свиридова... по мѣрѣ 160 саж. А отъ сухого Осетреца до городка Завитая земляного валу по мѣрѣ 360 саж. А городка Завитая по мѣрѣ въ длину 100 саж., а поперекъ 50 саж. Проѣзжихъ воротъ двои ворота: однѣ на западъ, другiя на всходъ. А отъ городка до Осетра (рѣки) по мѣрѣ 60 с. А отъ Осетра до Солдатецкого городка 112 саж.» Описывая засѣчныя укрѣпленiя, дозорная книга засѣки отмѣчаетъ и всѣ замѣченныя въ нихъ неисправности, происшедшiя отъ времени или отъ другихъ причинъ. Въ описанiи Снѣтцкаго острожка читаемъ: «а на той Снѣтцкой дорогѣ острожекъ Снѣтцкой, а въ томъ острожку одна башня проѣзжая съ полевую сторону, а съ русскую сторону ворота стоячiя проѣзжiя дубовыя. А въ немъ изба да клѣть, да казенный погребъ. А тотъ острожекъ... подгнилъ, и обламы, и

катки, и мосты, изба и клѣть, и казенной погребъ и надолобы и частики погнили и обвалялись, и лѣсные завалы погнили и поросли дробнымъ лѣсомъ и рвы засыпались» (к. 389 л. 460). Описанiе порухъ въ засѣчной чертѣ, производимыхъ посторонними лицами, дѣлалось вообще весьма тщательно. Порухи обыкновенно заключались въ рубкѣ деревьевъ, драньѣ лыка, наложенiи дорогъ и стежекъ, разведенiи костровъ. «Порухъ въ томъ звенѣ новые сѣчи десять деревъ» (к. 390, л. 891 об.); «у большiе проѣзжiе дороги оскоблены двѣ березы» или «лубья снято» (столько-то). Такiя отмѣтки встрѣчаются постоянно. Подобныя порухи въ засѣчныхъ чертахъ производились порою въ очень обширныхъ размѣрахъ. Такъ на Шацкой засѣкѣ наѣхана была лѣсная порубка на пространствѣ одной версты въ длину и полу-версты въ ширину; дерева при этомъ было посѣчено столько, «что малыми людьми счесть немочно», какъ доносилъ дозорщикъ (к. 416, л. 536). Обыкновенно означалось, противъ какихъ селъ и деревень производились эти порухи: такой порядокъ означенiя порухъ и даетъ возможность пользоваться подобнымъ документомъ, какъ надежнымъ руководителемъ въ нанесенiи засѣчной черты на карту. Порухи обязаны были отводить приписные сторожа изъ крестьянъ лежащихъ противъ черты селъ и деревень. Дозорщикамъ приходилось иногда отмѣчать, что эти приписные сторожа вслѣдствiе сопротивленiя помѣщиковъ на отводъ не являлись. «А на отводъ приписныхъ сторожей (такiе-то помѣщики) не дали, учинилися непослушны», или «сказки и поручной не дали, учинилися непослушны» (к. 389, л. 309 об.), или «сказка взята, а поручной не дали, учинились непослушны» (л. 310 об.). За неимѣнiемъ приписныхъ сторожей, порухи должны были отводить помѣстные засѣчные сторожа. При описанiи одного звена Лихвинской Слободецкой засѣки наталкиваемся на такую отмѣтку: «приписныхъ сторожей у того звена нѣтъ ни одного человѣка, порухъ никакихъ ненаѣхано; отводили помѣстные засѣчные сторожи (такiе-то)».

Таковы были дозоры засѣкъ. Не всегда однако возможно было дозоръ засѣки довести до конца. Такъ часть Козельской Кцынской засѣки осталась неописанной, «потому что дромомъ и заломомъ большимъ заломало и прочистить черты ихъ звена никоторыми дѣлы немочно» (к. 389, л. 129). Иногда вслѣдствiе подобныхъ причинъ засѣчная черта такъ и не доводилась. Между Перемышльской и Козельской засѣками черта не сошлась, а лѣсъ заповѣдный сошелся; не доведена черта потому «что изъ давныхъ лѣтъ тотъ

лѣсъ былъ большой въ глухихъ мѣстахъ, и бурею заломанъ; проѣхать было немочно». (к. 390, л. 702) Иногда, если дозоръ производился зимою, нельзя было досмотрѣть и порухъ описать «за большими снѣгами» (л. 936). Если съ одной стороны порою не было *физической* возможности досмотрѣть всю черту, то съ другой стороны были исключенія по жалованнымъ грамотамъ, запрещавшимъ въ виду особой льготы требовать приписныхъ сторожей для извѣстнаго звена. Такимъ было звено Венева монастыря: «и того Венева монастыря положили Великаго Государя грамоту изъ Приказу Большаго Дворца, что тѣ звенья (т. е. монастырскія) за ихъ сторожею не досматривать и въ села, и въ деревни стрѣльцовъ и пушкарей (а также никакихъ посыльныхъ людей) за приписными сторожами не посылать (и ихъ не вѣдать). И по той Великаго Государя грамотѣ тѣ ихъ звенья за ихъ сторожею недосматривано» (к. 390, л.л. 629, 659 об.).

Но матеріалъ засѣчныхъ книгъ не ограничивается указанными сейчасъ свѣдѣніями. Въ нихъ нерѣдки указанія на засѣчныхъ головъ и засѣчныхъ помѣстныхъ сторожей, на число ихъ и мѣста жительства, на ихъ помѣстныя дачи (обыкновенно отъ 5 до 20 четей), на ихъ родныхъ, дѣтей, братью, племянниковъ; нерѣдки описанія засѣчныхъ сѣнокосныхъ полянъ, сдававшихся на оброкъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что для подобныхъ описаній составлялись и совершенно самостоятельные документы. Нельзя оставить также безъ вниманія отмѣтки, подобныя двумъ нижеслѣдующимъ. Въ дозорѣ Козельской Кцынской засѣки читаемъ (к. 389, л. 135): «а селиторные земли и желѣзные руды и къ угольному зженью крушинного деревья и бобровыхъ гонъ и проломовъ и рядычей (?), гдѣ вновь жилые городы построить для крѣпости отъ приходу воинскихъ людей, нѣтъ и негдѣ». Почти тоже читается и въ дозорѣ Ѳедяшевской засѣки (к. 389, л. 192): «и по той засѣкѣ съ рускую и съ полевую сторону засѣчныхъ необрочныхъ сѣнокосныхъ полянъ и селиторныхъ земель и желѣзныхъ рудъ и къ угольному зженью крушинового деревья, и рѣкъ, и озеръ, и рыбныхъ ловель, и бобровыхъ гоновъ, и бортнаго угожья нѣтъ, и всякаго угодья, гдѣ пчелы завесть, и на рѣкахъ, гдѣ мочно мельницамъ или какимъ заводамъ и промысламъ быть, нѣтъ же».

Послѣ очень бѣглаго обзора содержанія засѣчныхъ книгъ можно придти къ слѣдующему заключенію.

Дошедшіе до насъ сравнительно въ незначительномъ количествѣ дозорныя книги засѣкъ ограничиваются главнымъ образомъ

мѣстностями нынѣшнихъ Тульской, Калужской и Рязанской губерній и только отчасти касаются Тамбовской; онѣ относятся къ промежутку между 1632 и 1679 гг. Часть документовъ этого рода либо исчезла, либо хранится гдѣ-нибудь въ совершенной неизвѣстности, какъ это нерѣдко случается у насъ при крайне слабой разработкѣ нашихъ историческихъ источниковъ и крайне скудномъ еще развитіи нашей археографіи. Вотъ почему нельзя не замѣтить при случаѣ драгоцѣнной попытки Московскаго Архива Министерства Юстиціи поставить наше архивовѣдѣніе на твердую почву, начавъ съ самаго главнаго, съ изученія историческаго образованія современнаго Архива. Большинство засѣчныхъ книгъ даетъ полную возможность возстановить направленіе засѣчныхъ чертъ безъ помощи изслѣдованій на мѣстахъ, но эти послѣднія все-таки желательны, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда показанія засѣчной книги по извѣстнымъ условіямъ не вполнѣ ясны для современнаго читателя или когда засѣчная черта извѣстна лишь по имени, а дозоровъ ея до насъ не дошло. Такъ совершенно случайно мнѣ пришлось разыскать въ одной изъ неизданныхъ десятенъ М. Арх. Мин. Юстиціи, именно Владимирской 1621 г., указаніе на существованіе Темниковской засѣки (к. д. № 2 л.л. 46 и 82). Изъ статьи В. Н. Майнова [1]), производившаго изслѣдованія на мѣстѣ, мы знаемъ о существованіи Демшинской засѣки въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи и продолжавшейся въ Воронежской губерніи. Н. В. Калачовъ сообщаетъ объ Инсарской засѣкѣ [2]) въ предѣлахъ нынѣшней Пензенской губерніи. Изслѣдованіе засѣкъ на мѣстѣ играетъ такимъ образомъ роль вспомогательную. Возстановленіе засѣчной черты по засѣчнымъ книгамъ совершается главнымъ образомъ посредствомъ тщательнаго выбора изъ нихъ названій населенныхъ мѣстъ, мимо которыхъ шла засѣка. Эти населенныя мѣста засѣчная книга упоминаетъ либо въ случаѣ наѣханныхъ порухъ, либо въ случаѣ описанія засѣки по звеньямъ, либо наконецъ при точномъ означеніи «межевого деревья» между различными пунктами.

Помимо интереса историко-географическаго и, такъ сказать, стратегическаго (характеръ направленія засѣкъ, ихъ расположеніе, организація засѣчной стражи, система и средства обороны) засѣчныя книги, какъ я уже вскользь упомянулъ, имѣютъ несомнѣнный археологическій интересъ. Описывая укрѣпленія, засѣчныя книги

---

[1]) Древняя и Новая Россія 1875 г. № 5.

[2]) Замѣтки объ Инсарѣ въ «Архивѣ ист.-юрид. свѣд.» II, 1.

знакомятъ насъ съ массой терминовъ, касающихся древне-русскихъ укрѣпленій. Можно даже по нимъ составить небольшой лексиконъ этихъ древне-русскихъ терминовъ, касающихся техники засѣчнаго дѣла вообще.

Я затронулъ, повидимому, одинъ изъ очень узкихъ и спеціальныхъ вопросовъ русской археологической науки. Однако этотъ на первый взглядъ спеціальный вопросъ узкой археологической любознательности имѣетъ несомнѣнно важное значеніе въ общемъ изученіи исторіи Россіи. Монастырь на сѣверѣ, городокъ и сторо́жа на югѣ являются нелицемѣрными показателями движенія русской народности на восточной равнинѣ, показателями основного характера и степени напряженности этого движенія. Изученіе ихъ даетъ возможность уяснить многія смутныя черты колонизаціоннаго процесса на восточной равнинѣ Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспроизвести живую и наглядную картину внѣшней политической жизни Россіи въ XVI и XVII вв. Я хочу этимъ, между прочимъ, сказать, что помимо спеціальныхъ археологическихъ картъ по губерніямъ, необходимо составить общую карту постепеннаго распространенія военныхъ укрѣпленій на русской равнинѣ: городовъ, городковъ, засѣкъ, сторо́жъ. Такая карта наглядно представитъ намъ распространеніе русскаго населенія въ его хронологической постепенности, пріемы и свойства колонизаціи, постепенное территоріальное расширеніе московскаго государства, моменты встрѣчи съ инородцами.

На отсутствіе матеріала для подобной работы нельзя слишкомъ жаловаться. Кое-что можно найти во множествѣ разныхъ изданій нашихъ историческихъ источниковъ. Многое же хранится въ нашихъ архивахъ. Еще И. Д. Бѣляевъ [1]) указалъ отчасти на матеріалъ подобнаго рода, хранящійся въ Разрядномъ Архивѣ (въ М. А. М. Юстиціи), и пытался его эксплуатировать. Современному изслѣдователю можно было бы пойти по пути отчасти намѣченному, чтобы осуществить задачу нѣсколько шире задуманную, чѣмъ это мы видимъ у И. Д. Бѣляева, бравшаго указанный имъ матеріалъ на выдержку.

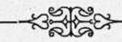
Въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по исторіи колонизаціи (въ трудахъ Д. И. Багалѣя, Г. Перетятковича) также найдется не мало

[1]) См. его статью «О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской Украйнѣ Моск. Гос.» въ «Чтен.» М. О. И. и Д. Р. 1846 № 4. Документы, которые онъ цитируетъ, напечатаны теперь въ I томѣ «Актовъ Москов. Государства».

свѣдѣній для указываемой работы. Тоже слѣдуетъ въ особенности замѣтить и объ археографической работѣ Н. Н. Оглоблина, помѣщенной въ IV-мъ томѣ описанія документовъ и бумагъ М. А. М. Юстиціи.

Итакъ, я заключаю свое сообщеніе указаніемъ на необходимость составленія карты постепеннаго распространенія по восточной равнинѣ военныхъ укрѣпленій и пунктовъ (городовъ, городковъ, засѣкъ, сторо́жъ и т. п.) для наиболѣе нагляднаго и цѣлесообразнаго изученія колонизаціоннаго процесса восточной равнины русскимъ человѣкомъ, его условій и послѣдствій изъ него вытекавшихъ. Такъ, повидимому, очень узкій и скучный запросъ археологической любознательности долженъ привести къ широко поставленной работѣ, имѣющей значеніе для вполнѣ научнаго знакомства съ исторіей Россіи вообще [1]).

[1]) Матеріалъ засѣчныхъ книгъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ наукѣ; о нихъ не зналъ даже такой спеціальный изслѣдователь техники военнаго дѣла въ Россіи, какъ *Ѳ. Ѳ. Ласковскій* (см. матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи).—Нѣсколько текстовъ самыхъ засѣчныхъ книгъ напечатано много въ трудахъ рязанской губернской ученой архивной коммиссіи 1890 г., №№ 4 и 5 и издано отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ «Рязанскія зачѣчныя книги XVII вѣка» (Рязань 1890). *В. С.*

